

Во мраке сверкающих звезд

Автор:

Евгения Михайлова

Во мраке сверкающих звезд

Евгения Михайлова

Детектив-событие Частный детектив Сергей Кольцов

Встретив во время прогулки по скверу парня, оставшегося без денег и документов, она не смогла пройти мимо и через несколько дней уже не представляла без него своей жизни. Она оберегала его, будто чувствуя – скоро Игорь попадет в еще большую беду...

Андрей не находил себе места, сразу поняв: на его сына Игоря напали из-за Светланы. Андрей знал, что поступает аморально и преступно, но даже в мыслях боялся расстаться с девушкой...

Светлана не пыталась сбежать из заточения: после всего, что с ней сделали, она не хотела жить. Но почему этот странный человек продолжает заботиться о ней, если сотворил такое?..

Мы часто принимаем желаемое за действительное. Тяжело отказываться от иллюзий, но только это позволит взглянуть правде в глаза, какой бы страшной она ни оказалась...

Евгения Михайлова

Во мраке сверкающих звезд

Часть первая. Потерянные находки

Среди миров, в мерцании светил Одной Звезды я повторяю имя... Не потому, чтоб я Ее любил, А потому...

И. А. Анненский, Царское Село, 1909 год

Глава 1

Кровавый след на смуглой руке был замечен даже в полумраке. Карина поступила так на автомате, во сне, почувствовав зуд и боль. И лишь потом открыла глаза и долго смотрела на это продолговатое пятно, которое отчетливо выделялось на ее так рано загоревшей руке. Комар просто хотел есть, ему для жизни нужно было совсем немного ее крови. Капелька. Она никогда бы его не убила в состоянии бодрствования. Ничего маниакального типа безумных страданий по поводу загубленной жизни комара. Просто логика: на свете все могут существовать параллельно, занимая свою нишу. Комар не был врагом Карины, он не хотел ей зла, просто не в то время решил попить немного ее крови. В другое время она бы просто его прогнала.

Сон совсем пропал. А она ведь недавно легла и собиралась спать как минимум до полудня. Карина – надомный переводчик и «сова». Собственно, потому и надомный. Окончила филфак МГУ, распределилась в элитную гимназию. Но вставать каждое утро надо было так рано, что на работу ехало только ее подобие. Сама она мысленно досыпала на своей подушке. Конечно, дело не только в этом. Для учительницы Карина была недостаточно толерантной. У нее не получалось любить всех детей. Она любила интересных, любопытных, думающих, порой совсем непослушных. То есть личностей. А кто-то сразу был похож на себя взрослого, причем тупого и равнодушного или злого человека. Карина не могла его любить, и это было нехорошо, лишало ее права вступать в контакт с детьми. С коллегами еще хуже. Если человек был ей неинтересен, она не считала нужным поддерживать пустой разговор, соглашаться с абсурдным мнением, тем более его опровергать. Смысл? Потеря времени? А примитивные или пошлые комплименты коллег-мужчин ее раздражали. Мужчина должен чувствовать, принимает его женщина в принципе или нет. Если ему этого не

дано, для Карины он и не мужчина вовсе. Так, просто тип с первичными и вторичными половыми признаками, которые являются только его проблемой.

«Плохой ли у меня характер? – задумалась Карина. – Да нет. Нормальный. Просто хочется работать в комфортном режиме – и это не значит мало работать, – хочется общаться с теми, кого сама выбрала. Так противно разочаровываться! Контакт с любым человеком, даже если это ребенок, взаимно полезен, если есть уверенность, что это не обман, не лицемерие, не разговор глухих. Если за словами есть какое-то чувство. Мне нужны уверенность, надежность».

О любви Карина запретила себе думать со времени учебы в университете. Они приехали в Москву женихом и невестой, поженились и жили вместе здесь, в ее квартире, она хотела от него ребенка... Но не раз по ночам убегала от него в диком страхе. Он бросался на нее после какой-нибудь невинной фразы в такой агрессии, с такой злобой в глазах! Однажды он так ударил ее по лицу, что она на какое-то время перестала видеть. И Карина осенью, в дождь, бежала по улице в плаще, наброшенном на ночную рубашку. Человек бросается не как зверь, который либо голоден, либо испуган, – человек бросается на другого без особой причины, чтобы уничтожить его морально или физически в силу какой-то своей ущербности. Для Карины после той ночи это одно и то же – уничтожить физически или морально. И в том и другом случае можно только сбежать, чтобы выжить и остаться собой.

Свежий ветерок влетел в открытое окно, прикоснулся к губам и не успевшим отдохнуть за ночь глазам... Поцеловал. Карина глубоко вздохнула и потянулась. Она практически круглый год жила с открытым окном. Терпеть не могла кондиционеры, освежители и прочую технику. Это была ее связь с природой. Что, наверное, тоже нормально для законченной урбанистки. И вдруг, едва ли не впервые в жизни, захотелось выйти на улицу, прямо в зарождающееся утро. Это должно было когда-то с ней случиться. Она читала, что человек, являющийся «совой», однажды может испытать счастье, проснувшись на рассвете и выйдя из дома. Ему, возможно, споют соловьи, он будет очарован видом восходящего солнца и решит, что отныне переходит в разряд «жаворонков». Это будет его вдохновенный рассвет, возможно единственный. Потому что на следующее утро его к этим соловьям не вытащит даже бульдозер. Он очнется и поймет окончательно: какой кошмар – вставать раньше полудня.

Да, жизнь комара была отдана не зря. Карина выйдет прогуляться раньше всех. Не упустит этот шанс. Она бодро встала, приняла душ, выпила чашку кофе,

влезла в джинсы и майку, вылетела из квартиры, из дома. Обычно она шла или в ближайший продовольственный магазин, или к машине. Поэтому сейчас пошла совсем в другом направлении. К скверу, который оказался вдруг ярко-зеленым, в нем что-то цвело и кто-то чирикал. Соловьи, не соловьи – не суть. Карина их все равно не узнает. Вот они точно живут параллельно по отношению к ней. А солнце выкатывалось, растекалось, разогревалось так здорово, что Карина чуть было не решила так прогуливаться каждый день. Но вовремя себя остановила. Не стоит строить планы. Ей сейчас хорошо здесь, завтра будет другой день. Она дошла до куста цветущего жасмина и вдохнула запах. Он ей нравился. Просто днем, среди пыли дорог и пелены выхлопных газов, даже он не ощущался.

Карина смотрела на цветы жасмина, на солнце, на диковинные листья каштана... Смотрела, сколько глаз хватало. Ей уже было ясно, что столь ранняя прогулка в ближайшее время не повторится. А московское лето – это такой маленький кусочек года. Вот он есть, и вот его уже нет.

За кустом жасмина стояла скамейка, а на ней спал парень. Как на диване: поджав колени, подложив руки под голову, лицом к спинке. Карина пошла быстрее. Не хватало разбудить пьяного, а может, он и не пьяный, просто отдыхает после убийства или изнасилования. Мало ли? Она уже почти прошла мимо, но тут влезла совесть, как всегда, когда ее не просят. Он может быть как раз жертвой преступления: ограблен или избит. Ему может быть плохо: сердце, сотрясение мозга... Ему может быть плохо, даже если он перепил, от этого умирают... Или от наркотиков. Он вообще жив? Он не шевелится. Она вернулась, встала рядом, внимательно рассмотрела ту часть лица, которая была на виду. Аккуратное ухо, курчавые каштановые волосы, щека, уже покрытая загаром, вполне себе здорового цвета. Длинные ресницы вздрагивали во сне, дыхание было ровным. Парню пришлось так согнуть ноги, потому что он очень крупный, рост наверняка ненамного меньше двух метров. Можно спокойно идти гулять дальше. Пусть дрыхнет. Но это немножко странно. Парень в дорогих джинсах с дырками на коленях, хороших кедах, на нем чистая светлая майка. Кудри пострижены хорошим парикмахером. Из дома, что ли, выгнали? С девушкой поссорился? На правой руке не было обручального кольца. Еще кое-что смущало. Карина не могла определить его возраст. Здоровенный парняга, издавека, наверное, можно дать ему сколько угодно лет, а губы пухлые, как у ребенка, нос какой-то не взрослый. Подросток может очень быстро вымахать как лось и остаться при этом ребенком по уму. По девочке-подростку можно всегда сказать, какой она будет женщиной. Мальчишки... Собственно, они навсегда могут остаться инфантильными. И возраст их вообще не изменит. Просто она не может оставить этого парня, думая, что это подросток, попавший в беду. Такому

лучше не попадаться на глаза ни полиции, ни бандитам. Ночевать на улице – это не дело. А он явно провел на этой скамейке ночь. Карина наклонилась к его лицу: запаха спиртного не было. И на наркомана не похож: руки чистые, спит спокойно, как в люльке. Могли, конечно, снотворное подлить в кофе или колу, украсть деньги и документы, возможно, ключи от дома. А если дома никого нет, если нет друзей, у которых он мог бы переночевать, то это может быть беда.

– Эй, – дотронулась она до его плеча. – Проснись. У тебя все в порядке?

Парень открыл крупные глаза шоколадного цвета, посмотрел на Карину спокойно и перевернулся на другой бок – лицом к ней.

– А что? Я вам мешаю?

«Точно подросток, – подумала Карина. – Я невольно сказала ему «ты», он ко мне обратился на «вы». Значит, я для него взрослая тетя, а ему лет шестнадцать – семнадцать». Карине было двадцать семь. Для девушки, которая поставила крест на замужестве, нормально. Вся жизнь впереди. А на замужестве она поставила крест, поскольку во второй раз на крючок не попадет. Но что делать с этой находкой? Вот уж чего не требовалось, так это какой-то проблемы! Первый рассвет в жизни «совы». Хотелось уединения, покоя, аромата и дивных впечатлений...

– Как тебя зовут? – спросила она.

Парень сел и ответил послушно:

– Игорь. А тебя? То есть – вас?

«Может, и не подросток», – подумала Карина.

– Меня зовут Карина, я здесь живу. А ты?

– Я не здесь.

– Часто спишь на скамейках?

– Вот не врублюсь никак. Это преступление, что ли? Эта скамейка охраняется государством? Она чья-то собственность? Я, конечно, сильно извиняюсь, но почему ты, Карина, ко мне пристала? Мне еще рано вставать.

– Глупый ты, что ли? «Пристала»... Мне кажется, ты попал или можешь попасть в беду. Но если все в порядке, если это образ жизни, то лично я вышла погулять одна. Ну, я пошла?

– Понимаешь, Карина... – Игорь очень красиво улыбался: ямочки на щеках, мягкий, добрый взгляд. – Вообще-то попал. С хорошими ребятами познакомился, болтали, тусили, закупили в «Макдоналдсе» всякой еды, рубились в разные игры по моему планшетнику, а среди ночи я нашел себя вообще под теми кустами. Без всего. Ни планшетника, ни денег, ни ключей от квартиры, ни паспорта, ни студенческого.

– Голова цела?

– Цела, но сыпанули чего-то точно. Я и сейчас спать хочу, умираю.

– Тебе нужно позвонить домой. Вот телефон.

– Родители на даче. Я им звонить не буду. Начнется... Мне нужно немножко доспать, занять у тебя денег на метро, доехать до Дмитровки. Дверь я как-нибудь открою или сломаю. Потом надо писать заявление, чтобы дали бумажку, ну, ксиву вместо паспорта.

– Ты профи в этом вопросе. Не в первый раз?

– Не-а, – рассмеялся Игорь. – Постоянно. Больной я. Мать так считает. Лечили. Назову тебе болезнь – тебя сейчас ветром сдует, подумаешь, что это заразное.

– Не сдует, – сказала Карина. – Я бывшая учительница. Если ты часто убегаешь из дому, если тебя от этого лечили, значит, диагноз поставили: драмомания – страсть к бродяжничеству. Хорошего мало. Могут по ошибке схватить вместо какого-нибудь преступника, могут сознательно повесить какое-нибудь преступление... Бумагу вместо паспорта тебе сегодня не дадут, потому что воскресенье. И потом, у тебя уже опять глаза закрываются. Придется мне

рискнуть, хотя подозрение, что ты мошенник, в какой-то степени есть. Просто бросить тебя в такой ситуации не могу. Тяжело реагирую на объявления: ушел такой-то месяц назад, помогите найти. Потом найти невозможно. Ни разу не слышала. Знаешь, я никогда не гуляю в это время. Я поздно сплю. А на рассвете убила комара, проснулась и решила выйти.

– Я понял, – просиял Игорь. – Ты загубила комариную жизнь и решила спасти мою, да?

– Можно остановиться именно на таком сюжете.

– Клево! Я вообще-то во ВГИКе учусь, на сценарном факультете. Я из такого сюжета конфетку сделаю. Тебя возьму в соавторы.

– Спасибо. Дарю. В соавторы не пойду. Поднимайся. Если ты опять уснешь, мне придется эвакуатор вызывать. Ты какой-то ненормально крупный.

– Почему ненормально? – Игорь встал, на высоте своего роста расправил широкие плечи. Парень оказался редкой красоты, чего ему, конечно, Карина говорить не собиралась.

– Да я просто подумала, что ты, наверное, хочешь есть, а у меня в холодильнике еды мало.

– А что есть? – с интересом спросил Игорь.

– Омлет с беконом могу сделать. Максимум из трех яиц. Мороженое в морозилке.

– Сойдет, – кивнул Игорь, и они направились к дому Карины.

Глава 2

Карина провела парня в ванную, а сама пошла в комнату за чистым полотенцем. Вернулась, повесила его на держатель и спокойно осталась наблюдать, как

Игорь вылез из джинсов, осмотрел их и аккуратно повесил на лесенку для одежды. Светло-голубую майку он бросил на пол. Она вообще-то чистая. Он, видимо, сделал это по привычке. Как дома, где можно каждое утро доставать свежую. Дотронулся было до белых плавок, но оглянулся на Карину и остался в них. Внимательно посмотрел на свое лицо в зеркале над раковиной, потом достал из стаканчика зубную пасту и начал старательно чистить зубы, выдавив ее себе на палец.

– Я могла бы тебе щетку дать, – пожала плечами Карина. – Ты слова, что ли, экономишь?

– Щетки, – пробормотал он. – Зачем переводить? Я помоюсь, поплюю и уеду. А, поем еще.

Да. Если он не соврал про «драгоманию», то с этим явно перегнули. Это не бродяга. Это домашний парень, который уходил не из дому, а, скорее всего, от кого-то или чего-то.

Игорь почистил зубы и вошел в душевую кабину, задвинув за собой матовое стекло, сквозь которое Карина видела широкие плечи, плоский живот, сильные ноги взрослого мужчины. Не подросток точно. Тем более, еще когда он чистил зубы, она рассмотрела в зеркале светлую щетину над верхней губой и на подбородке. При каштановых волосах! Какая необычная внешность! Он старательно тер себя мочалкой, а она посмотрела на себя в большое зеркало на стене. Светлые короткие прямые волосы, темно-серые глаза, скульптурно выпуклые скулы, твердые, почти всегда крепко сжатые губы. Она как-то была в гостях, и ее попросил попозировать профессиональный фотограф. Он сказал: «У вас интересное лицо. Такие лица любит камера, объектив, оно понравилось бы скульптору. Но губы не нужно так сжимать, даже если не хотите улыбаться. Нужно чуть приоткрыть, расслабить. У вас красивые зубы. Вы останетесь серьезной и строгой, если хотите, просто все будет немного мягче, живописнее».

– А зачем? – спросила Карина. – Я училка-мегера. И не собираюсь кривляться. – Тут она рассмеялась, и он сделал очень хорошее фото. Редкое, потому что смеяться Карина не любила. И смешливых людей не очень понимала, а постоянно улыбка почему-то не доверяла.

Такой характер. Но сейчас она смотрела на себя – с жестким ртом, первыми морщинками – и думала, насколько старше она выглядит, чем Игорь. У нее аккуратная, стройная фигура, но тяжелый взгляд и не улыбочивые губы делают ее, мягко говоря, взрослее.

– Сколько тебе лет? – спросила она, когда Игорь вышел из душевой кабины и начал вытираться.

– Двадцать один. А что?

– Просто хотела узнать, гожусь ли я тебе в бабушки.

– Какая ты навязчивая, – легко и хорошо рассмеялся он, вот у него это получалось запросто. – То жизнь мою захотела спасти, чтобы искупить убийство комара. Теперь в бабушки напрашиваешься. То есть тебе все время нейдет? Просто быть девушкой или женщиной ты не можешь? Хотя ты же сказала, что ты бывшая учительница. Это еще хуже, чем просто учительница. Ты, наверное, мучила бедных детей. Таких крошечных, как я, да?

Ей нравилось, как он смеется, дурачится, шутит, но смотрела она на него по-прежнему серьезно, без улыбки. Она не сомневалась, что каким-то образом осложнила себе жизнь, пригласив его. Этот парень-красавец очень похож на головную боль даже для самого себя. Но, скорее всего, и для окружающих. А она очень старается жить вообще без головной боли. После того как пережила две свои основные драмы: разрыв с мужем и уход из профессии, которая казалась ей нужной обществу. Пережила тяжело, больно – и теперь у нее нет головной боли. Перестала болеть голова и рваться сердце. А эмоции не умерли – наоборот, расцвели на обретенной свободе. Прошрое она постаралась забыть, только осторожней ступала по скользким камням жизни, как по переходу через морской перешеек. Не девочка, чтобы бездумно прыгать, рискуя свалиться. И конечно, привести в дом незнакомого парня, который сообщил, что у него нет документов и ключей от квартиры, – поступок, выходящий из ряда. Но и оставить человека в возможной беде – тоже ненормально. В общем, получилось как получилось.

– Я пошла на кухню, а ты можешь постирать свои майку и трусы, вот сушка, выйди только, пожалуйста, к завтраку в полотенце.

– Как раз хотел к тебе обратиться с такой просьбой. Ты просто очень умная, – просиял Игорь, что уже стало для Карины привычным. Ямочки на щеках, золотистый свет в шоколадных глазах... Охмурять этот парень готов всегда.

– Я – умная, ты – наглый. Договоримся, – кивнула она и пошла на кухню.

Он вскоре тоже пришел, в полотенце на бедрах и босиком – вылитый Аполлон, только лучше, – уселся на маленький диванчик и стал аккуратно, но неотвратно поглощать все, что стояло на столе. Собственно, ничего особенного там не было. Как быстро выяснилось, там не было ничего на двоих. Исчезали омлет из трех яиц с последним куском сыра, хлебцы из тостера, мороженое из килограммового лотка, клубника из вазочки. Это было все. Карина задумчиво пила кофе.

– Я не понял, – заботливо сказал он, – почему ты сама-то не ешь? Или ты все мне отдала?

– Для меня слишком рано. Я «сова».

– А... – ответ его устроил. – Ну да. Ты говорила. – Он вывалил в лоток с мороженым остатки клубники, тщательно перемешал, съел, старательно выбрав ложечкой до последней растаявшей капли. – Можно я на этом карликовом диванчике посплю, а? Разморило, сил нет.

– У меня есть нормальный большой диван для человека любого размера. Моя кровать в другой комнате. Сейчас дам тебе подушку и одеяло.

– Я догадывался, что есть, – посмотрел он взглядом первого ученика в классе, – но не надеялся, что меня туда положат, – и тут же посмотрел, как потерянный щенок.

– Не понимаю, почему ты не поступил на актерский? – спросила Карина. – Ты же каждую минуту играешь очередную роль.

– Внешние данные? Объясняю. Я против того, чтобы кто-то на них спекулировал. Я сам напишу, сам поставлю, сам сыграю.

- И сам посмотришь.

- Ты в меня не веришь?

- Я знаю систему. Если в тебя кто-то вложится очень серьезно – папа, мама, дядя, тетя, любовница, жена, – тогда я точно буду на твоей премьере, возможно в Каннах. Но я нашла тебя на скамейке. У тебя украли паспорт и студенческий, а прав у тебя не было. У тебя нет машины?

- Нет. И никто в меня не вложится. Пока нет желающих. Я, правда, не искал.

- Ладно, пошли, я тебе постелю. Я просто поставила тебя на место. Ты очень увлекаешься своими фантазиями. На самом деле у тебя, конечно, все получится. Ты такой яркий, что у меня уже от тебя глаза режет. Тем более я тоже спать хочу. Вот во ВГИК ты же поступил без связей. Так что перспектива есть.

- С этим как раз помогли. У меня отец помощник одного известного оператора. У которого много знакомых. Короче, блат был.

- У тебя хорошие родители? – задумчиво спросила Карина.

- Нормальные.

- А почему ты из дома убегаешь?

- Говорю же, драмомания.

- Это ты кому-нибудь другому рассказывай. Ты врешь. Почему ты убежал на самом деле?

- Хорошо, учительница первая моя. Раз на то пошло... Не люблю я своих родителей. Плохо мне с ними.

- А они тебя? Выглядишь ты как очень любовно взращенный сын. Да и без комплексов. Тебя явно не истязали.

– Нет, конечно. Ничего такого. Они всю жизнь истязают друг друга. Не дерутся, конечно, даже не ругаются. Просто вроде молча ненавидят. Или не доверяют. Я с ними не могу находиться. Как будто кинжалы невидимые с двух сторон, я на них наткнуться боюсь. И все на ровном месте. Ни одной причины.

– Ты не зря пошел на сценарный, хоть и по благу. Но ситуация странная.

– Думаешь? А мне кажется, так многие живут. Я знаю многих, которые зачем-то вместе живут, но не выносят друг друга. Одни скрывают, другие нет.

– Возможно, ты прав. Поэтому я больше никогда не выйду замуж. Через невидимые кинжалы я уже прошла. Чуть не наткнулась на видимый. Мне хватило навсегда. Все, завершаем. Мы и так слишком многое друг о друге узнали. Нам это не пригодится. Если проснешься раньше меня, не буди, пожалуйста. Просто дверь захлопни. А!.. Деньги на дорогу я тебе положу на стол. Если захочешь позвонить родителям, мои телефоны всегда лежат на журнальном столике в гостиной, где ты и будешь спать.

– У тебя их много? – с любопытством спросил он.

– Всего два. Старый и новый. Не беру в спальню, чтобы они меня не будили.

– Как у тебя все... Как в аптеке.

– Совершенно верно.

– Уходишь? Вот так, наотмашь, этим своим благородством... – пробормотал он. – Привела, накормила, деньги положишь. То есть обчистить тебя даже неудобно как-то. Или зарезать, поскольку я ведь Джек-потрошитель. – Он сделал зверское лицо и схватил со стола нож.

– Лучше бы я тебя не кормила, – встала Карина. – Когда ты сонный и голодный, тебя можно терпеть. Сейчас уже нельзя. Мне нужно поспать, а тебе нужен цирк. Не вздумай будить. Обчистить можешь. Денег у меня мало.

– Понял. Мало мне не нужно. – Он потер глаза двумя руками. Она смотрела на него со странным чувством. Здоровенный парень хочет спать и валяет дурака. А

она вдруг увидела маленького мальчика, который плачет от одиночества между ненавидящими друг друга родителями. Ей казалось, у нее нет материнского инстинкта. Возможно, есть. Странно, что она почувствовала это, познакомившись с этим человеком, который всего на шесть лет моложе ее. Или это что-то другое? Но она явно его жалеет. Хотя более полноценного молодого мужчины трудно себе представить.

«Это нужно перебить сном и забыть», – подумала Карина.

Глава 3

Пространство крошечного щитового домика, состоящего из одной комнаты, сначала было темно-серым, потом посветлело. Еще немного, и сквозь неплотные ставни начнут пробиваться солнечные лучи. К этому моменту нужно сжаться, спрятаться, исчезнуть, чтобы самой не чувствовать ни биения сердца, ни жжения в глазах, как будто слезы вытекли, а их соль осталась. Светлана провела руками по волосам. Густым темно-рыжим волосам, заплетенным в две толстые косички, стянутые аптечными резинками. Их пора вымыть. Они кажутся ей одним застывшим колтуном. Вымыть – это сделать над собой страшное усилие. Она не может с этим справиться уже... может, уже неделю? Или больше? Она давно не считает дни.

Она заставила себя сесть, отбросив одеяло, нащупать ногами, не глядя, комнатные тапки, потому что смотреть на то, что осталось от ее ног, невозможно. Она удивляется, что способна ими ходить, этими косточками, обтянутыми кожей. Все-таки решилась, встала и пошла в маленькую ванную. Включила бак-обогреватель, медленно почистила зубы – это было еще больно, но не так, как раньше. Стянула большую мужскую майку, которая скрывала ее тело полностью, расплела косы, встала под душ. Ей удалось вымыть голову, помыться, ни разу не взглянув на свое тело. Но она теряла сознание от усталости. Выбралась из ванны с трудом. Вытиралась из последних сил. Вернулась в комнату, села на кровать, взяла с тумбочки гребенку с редкими зубьями – ее волосы трудно поддавались щеткам – и причесалась. Опять заплела косички, стянула резинками. Откинулась на спинку деревянной кровати, отдохнула, собиралась уже влезть под одеяло, но тут вкрадчивый солнечный луч вдруг осветил деревянный овал на столе у окна. Это было перевернутое зеркало.

На это понадобилось, наверное, полдня. Светлана остановила часы, поэтому не знала, сколько времени прошло. Но она сделала, наверное, двадцать подходов к этому зеркалу и возвращалась ни с чем. Точнее, с твердым желанием спрятаться под одеяло. И все-таки она сделала это. Никому не расскажешь, какое это невероятное преодоление – просто посмотреть на себя в зеркало. Первый раз. После всего.

Это был ужас – то, что она увидела. Она пошатнулась и чуть не выронила довольно тяжелое зеркало из рук. Раны и шагренева кожа в глубоких морщинах – все, что осталось от ее лица. Она уже не помнила, какой была раньше. Только огромные глаза удивительного орехового цвета с зелеными искрами, которые освещали радужку, как драгоценный камень, – только они были ей знакомы. Она смотрела, искала в них ответ. Больше ей советоваться не с кем. И глаза мрачно говорили: да, можно только умереть. Все кончено. Невыносимые страдания не до конца раздавленной бабочки не нужны ей и не видны миру. Никто ничего не заметил и никогда не узнает. Что ее, живую, уже убили, а она никак не придумает, как прекратить эти муки.

Светлана положила зеркало, опять деревянной поверхностью вверх, добрела до кровати, задыхаясь, стараясь не дышать глубоко – так болела грудь. Все. Наконец она лежит, и мысли тонут в тяжелом, вязком сне. Все в тысячный или миллионный раз повторится, потом перейдет в полный провал, который хорош уже потому, что это остановит бесконечное решение одной и той же задачи: как все это прекратить? Как умереть бессильному, беспомощному человеку, которого зачем-то продолжает истязать жизнь? Если это так называется.

Она почти уснула, когда рядом на тумбочке зазвонил телефон. Она не шевельнулась. Она никогда не отвечает. Ей сюда может звонить только он. Ей это безразлично. Прошло то время, когда она горела и дрожала от высокой температуры и боли. Когда смотрела на принесенные им шприцы, ампулы, бутылочки с препаратами и думала, что сможет что-то вонзить ему в висок или сердце и убить не столько силой удара, сколько силой ненависти. Сейчас ей все равно. Пусть он остается на той земле, на которой не будет ее. Засыпая, она вдруг вспомнила стихи, которые кто-то ей прочитал. Очень давно. До всего.

Я придумал это, глядя на твои

Косы – кольца огневеющей змеи,

На твои зеленоватые глаза,

Как персидская больная бирюза.

Это стихи Гумилева. Тогда это очень подходило Свете. Она была красивой. Кто это ей читал? Она забыла. Все настолько перепуталось, что ей кажется, будто это он, ее убийца, это читал... Она спит.

Глава 4

Серая «Тойота» проехала по безлюдной деревенской улице, потом протряслась по колдобинам большого холма – так утрамбовалась под колесами весенняя грязь, только теперь колдобины покрыты зеленой травой и листьями подорожника. За холмом – чахлые деревья и уже не дорога, а неровные тропинки, бурьян, несколько полуразвалившихся заброшенных домов, потом – новый высокий бетонный забор, обитый жостью. Он вышел из машины, открыл своим ключом очень серьезный замок на воротах, вернулся, загнал машину во двор, закрыл ворота изнутри. Не на задвижку, которая была, а опять на замок. К совсем новому, почти игрушечному щитовому домику он шел медленно, как будто к его большим, тяжелым ногам подвесили гири, а небольшие пакеты в крупных руках оттянули массивные плечи. И лицо у него было крупное и неподвижное, как высеченное из камня. В школе девочки дразнили его «кирпичом». Потом он понял, что нравится женщинам. Невыразительность его лица казалась им мужественностью и силой. У порога дома он поставил на ступеньку пакеты, достал ключ от входной двери. Перед тем как открыть, он всегда медлил. Его лицо, как всегда, ничего не выражало, а сердце начинало колотиться так, что казалось, он слышит этот стук. То был панический страх. Он начинался у этого порога уже столько дней. Он боялся, что войдет, а ее там нет – как-то выбралась. Он боялся, что войдет, а она мертвая. Он просто ее боялся.

Он достал носовой платок и вытер взмокший лоб. Невозможно поверить, что он попал в такой переплет. Он, Андрей Панин, который самому себе казался абсолютно простым, прямолинейным, может, даже туповатым. Андрей, который собирался прожить прямую, понятную жизнь. Когда он понял, что она у него не получилась? Давно. Задолго до этой беды, из которой, похоже, ему уже не выкарабкаться. Он не знает как...

Андрей открыл дверь, тихо вошел, оставил пакеты в крошечном холле. Открыл дверь единственной комнаты, вошел и посмотрел на кровать. Она лежала лицом вниз, руки обнимали подушку. Он никогда не видел таких тонких, истощенных рук. Эта болезнь, это его преступление – что с этим делать?.. Толстые, короткие косички темного золота были нарядными, как у куклы. Она только здесь стала заплетать волосы в косы. А раньше, до всего, ходила по улицам, сверкая яркой пушистой головой, поражая цветом огромных глаз, каких не было больше ни у кого, легко улыбаясь при встрече, такая безмятежная, недостижимая... Он даже не смел ее тогда желать. Она была моложе его сына, он любовался ею много лет, смотрел, как она взрослеет. Цепенел, чувствуя себя грузным и старым исполином. Света так и осталась миниатюрной к своим девятнадцати...

Как? Она же не может лежать лицом вниз! Ей так больно! Она не шевелится уже минут десять! Это случилось!

Андрей бросился к кровати, легко перевернул ее на спину. Ох... Она открыла глаза. Посмотрела, как всегда, мрачно, но уже без ненависти и вопроса. Она теперь все для себя решает сама. Что-то решает...

– Ты спала лицом в подушку. Тебе уже не больно?

– Ничего.

– Но нужно все продолжать. Уколы, мази.

– Продолжай.

– Только сначала посмотри. Я принес творог, сметану, землянику, малину – все деревенское. Молоко...

– Не буду.

– Мне придется накормить тебя силой.

– Вот это не получится. Это тяжелее, чем то, что ты со мной сделал.

- Так. Можешь не начинать. Ты умрешь, если не будешь есть, понимаешь? Истощение на какой-то стадии необратимо.

- Неужели? Я давно уже на этой стадии. И все никак...

- Ты мне мстишь? Вот так? Хочешь умереть? Отомсти иначе. Рядом с тобой телефон. Позвони, пусть меня возьмут. А тебя отвезут в больницу. Мне будет легче в тюрьме. Или не легче. Но ты меня больше никогда не увидишь, а тебя вылечат. Я совершил тогда глупость. Не хочу объяснять, ты же мне не поверишь. Так больше невозможно! Что будет, если я, например, попаду в ДТП? Я отказываюсь от экспедиций. Меня выгонят с работы. Никто ведь тебя здесь не найдет, сама ты никуда не доедешь. Разреши мне все рассказать твоим родителям хотя бы! Их пожалей!

- Если ты это сделаешь, я убью себя тут же.

- Почему?

- Такой меня не увидит никто, я же говорила. А другой я уже не стану.

Андрей сел на краешек кровати, сжал голову руками. Глухо сказал:

- Допустим, я подонок. Но ты - маленькая, жестокая дрянь. Тебе никого не жалко, даже родителей.

- Вот ты и пожалей их, раз ты такой добрый. Меня нет - и все.

Он молча встал, пошел в ванную, долго мыл руки, потом принес пакет с лекарствами, разложил на тумбочке. Он уже работал над ее лицом, как опытный медбрат. Столько материала перелопатил в Интернете, со столькими врачами заходил проконсультироваться якобы по поводу родственницы в другом городе. Выбирал из выписанных лекарств то, что подходит, научился делать уколы. Сначала, когда челюсть была явно сломана, сам придумывал способы ее фиксировать. Раны, к счастью, были только на мягких тканях, отеки на скулах и под глазами. Пока лицо является сплошной гематомой, увидеть изменения после лечения, разумеется, трудно. Ему уже по ночам снятся приключения коллагена: отложение, синтез, деградация... Конечно, хирург бы сказал, что нужна

трансплантация. Но она не поедет к хирургу, и он ее туда не повезет. Это невозможно в их ситуации. А обычный врач-«многостаночник», который ездил с ними на съемки много лет и какие только травмы не лечил актерам в походных условиях, сказал, когда он поведал об одной «родственнице», которую избили:

– Девятнадцать лет? Кости в основном целы? Послушай меня, потому что я зарабатываю меньше, чем пластические хирурги. Никаких заплаток! Это всю ее жизнь будут проблемные места. С возрастом начнут выделяться по цвету. Отторжения бывают очень часто. И вообще, люди сильно преувеличивают опасность повреждений на лице, особенно женщины. Нужно просто исключать инфекции и тормозить стягивание. И кожа возродится, как новая. А может, и нет... – завершил он, как всегда, загадочно.

Что-то получилось: она же спала на лице без боли. Если бы она еще ела... Собственно, ее голодовка назло ему и тормозила это пресловутое стягивание. Просто без еды не живут! Он уже дошел до полной маниакальности. Отмечал уровень молока в кувшине. Пересчитывал количество ягод на тарелке. Да, она делает в день пару глотков, не больше. Съедает пару ягод. Состояние настолько критическое, что она может его не пугать суицидом. Она и так уходит. И не из-за того, что случилось, а от голода.

Андрей вышел в кухню, помыл немного малины, смешал в глубокой плошке со сметаной, добавил свежайшего творога. Когда-то так делала его бабушка. И вот какой он вымахал. Вернулся к ней, она посмотрела на его руки и повернулась спиной. Он поставил плошку на тумбочку, встал перед кроватью на колени. Он не посмел до нее дотронуться. Просто хотел сказать, что умоляет ее... Но мольба в слова не вылилась. Сжала ему горло и грудь, он не смог выразить отчаяние перед человеком, который считает его самым страшным врагом. Дыхание вдруг прорвалось стоном.

Светлана медленно повернулась. Ее тонкие брови удивленно поднялись. Этот огромный, страшный зверь, стоя на коленях, дрожал и давился сухими рыданиями. Поймав ее взгляд, он вскочил и махнул рукой: «Да что я, в самом деле...» Он выбежал из дома, Светлана услышала звук мотора, затем он закрыл ворота на замок. Она приподнялась и вдруг взяла в руки плошку с приготовленной смесью. Вдохнула чудесный запах. Впервые захотела есть. Набрала немного в ложку, сначала просто лизнула, осторожно проглотила. Затем медленно и с мучительным наслаждением съела все. Как странно, что у такого изуродованного, униженного, растоптанного существа могут сохраниться

простые радости. Кажется, одну из них она сейчас испытала.

Андрей ничего не видел перед собой. Мысли были самые чудовищные. Например, где ее похоронить и что потом делать... Когда зазвонил телефон, он не собирался отвечать, но взглянул на номер и не поверил своим глазам.

- Да, Света.

- Я съела то, что ты приготовил. Спасибо.

Глава 5

Надежда, статная, высокая, элегантная и нарядная в любой одежде, даже для работы в саду, что-то подкапывала, поливала, внимательно и нежно, как живое существо, осматривала каждую розу. Андрей шел к ней по дорожке и думал о том, что цветы она любит гораздо больше, чем людей. Чем самых близких людей – его и даже сына. Собственно, вопрос с ним давно закрыт. О любви нет и речи. Есть к тому же полное ощущение, будто Игорь ей тоже в лучшем случае безразличен из-за того, что он его, Андрея, сын. Возможно ли это – мстить единственному сыну за то, что они с мужем разлюбили друг друга? Да нет, наверное, все проще. Пока ребенок был маленьким, прелестным, забавным, он тоже был как цветок. Доставлял только приятные эмоции. Взрослый и сложный парень слишком выпадает из рамок ее незыблемых представлений. Ей нужен идеальный мир, синтетически безупречная семья, чистые, прозрачные, управляемые муж и сын. И она бы любила их, как букет роз. Он всегда чувствовал по отношению к ней раздражение и вину. Вину, вызванную раздражением. Это давно стало у Андрея тяжелым комплексом. Из-за него он контролировал даже свои мысли о жене. И очень редко, лишь в минуты отчаяния, позволял говорить самому себе очевидную, скорее всего, вещь: Надино стремление к идеалу и порядку – на самом деле очень упрощенный, точнее, примитивный внутренний мир. Андрей и себя считал очень простым, но не настолько...

Он подошел к ней, она кивнула: «Сейчас закончу. Ужин готов» – и продолжила работу в том же темпе. Он сел на скамейку и стал наблюдать за ней. Ему казалось, что она почти не изменилась с тех студенческих пор. Она училась на

актерском факультете. Приняли, конечно, из-за внешности. Но уже в институте стало ясно, что актрисы в ней нет. Она могла быть только собой, а это для кино интересно лишь в исключительных случаях. Надя таким не была. Она просто была самой красивой. Золотистые локоны, большие темно-карие глаза, длинные черные ресницы. Игорь – в нее, тоже раскрашен природой, как райская птица. Надежда всегда привлекала внимание необычным сочетанием цвета глаз и волос, элегантностью и хорошим вкусом. Вот только камера ее не любила. Когда снимали студенческий фильм, какую-то экранизацию, оператор сказал Андрею, который и тогда был помощником, что Надя похожа на манекен и с этим ничего не поделаешь.

Андрей закурил, чувствуя себя совершенно изможденным, как после недели бессонных съемок. А сердце... Оно замирало и счастливо вздрагивало. У него тайный праздник из-за этого звонка: «Я поела. Спасибо». Но он не умеет выражать радость, ему не с кем ее разделить. Всегда было не с кем. Он родился и был воспитан в нормальной семье, женился на правильной женщине, но делиться переживаниями вообще не умел. А тут... Кому расскажешь о своем преступлении, о своих комплексах и страданиях, о том, что попал в капкан? И вдруг стало легче. Никому, конечно, не расскажешь, но он смотрел на Надю, освещенную заходящим солнцем, и, наверное, впервые за всю совместную жизнь остро ее жалел. И она ни с кем не поделится, и она в капкане обманутых надежд. Она могла выбрать любого мужчину, а выбрала его, потому что ее не интересовали ни богатство, ни нужные связи, в результате которых она могла бы за месяц стать самой востребованной актрисой. Надя придумала себе роль невесты, а затем жены честного, простого, навеки надежного человека. Если бы их двоих поставили в один кадр, это был бы очень точный режиссерский и операторский выбор. Он – мужественный, тяжелый и устойчивый, как скала, и она – прекрасная, как экзотический цветок. Таким кадром и было их свадебное фото. А выбор Нади по жизни оказался ошибкой. И его благодарность ей за этот выбор тоже была ошибкой. Причем выяснилось это очень быстро. Но они оба твердо знали одно: семью нужно сохранить, тем более родился сын. Спроси сейчас у Игоря: доволен он, что они сохранили семью? Игорь бы очень смеялся. Спрашивал бы: «Что сохранили? У нас есть семья? Так она на сохранении, вот в чем дело...» Он умеет шутить, Игорь, хотя они испортили и его жизнь. Андрей даже не пытался запомнить диагноз, который придумали Надя с учителями, чтобы объяснить побеги Игоря из дома. Какой, к черту, диагноз! Он, в отличие от них обоих, человек легкий и яркий. Ему плохо с постоянно напряженными, скрытными, замороженными родителями.

– Пойдем? – подошла к Андрею Надежда, и он поймал ее быстрый, изучающий взгляд. Она постоянно ждет от него неприятностей, беды. Она даже не представляет себе, в какой степени это все есть.

Он пожалел о том, что не купил чего-то по дороге. А что он мог купить? Торт? Она не ест магазинную выпечку. Букет цветов? Смешно. Она только тем и занимается, что выращивает цветы и расставляет букеты. Они пошли к дому. Андрей умылся и переоделся, потом вошел на кухню-веранду, где уже был накрыт стол. Посередине – большое блюдо с очередным Надиным шедевром. Это она, кажется, называет «фондю». Очень вкусная мешанина из кусочков кальмара, крабов, курицы, макарон – красивых бабочек, все это залито горячим растопленным сыром. Надя никогда не следовала прочитанным рецептам в точности. Она понимала суть блюда, а все остальное придумывала сама. Андрей вдохнул чудесный запах, подошел к бару и достал бутылку красного вина. Поставил на стол два бокала, разлил, сказал:

– Надя, а давай выпьем ни за что? Просто так. Вечер хороший. Еда вкусная. Тихо так и красиво у нас.

Надежда молча и медленно выпила свой бокал, поставила его на стол. Посмотрела на него как будто с доброй улыбкой. Спросила тихо и вкрадчиво:

– У тебя хороший вечер? Ты хочешь его со мной отпраздновать? Рада, что тебе нравится моя еда. Хотя сегодня ты и так похож на сытого кота. Что-то выгорело? Что-то получилось? А я думала, ты так и будешь тупо безутешным после пропажи этой маленькой вертихвостки. Другая подвернулась?

– Какой бред ты постоянно несешь, – постарался не повышать голоса Андрей. – Конечно, я подавлен из-за того, что пропала девушка, которую мы с тобой оба знаем с ее детства. Так же, как потрясены все остальные соседи. Я имею в виду адекватных людей. Есть идиоты, которые радуются любому горю. Но все же это не наше горе. Что поделаешь. Я надеюсь, что Светлана найдется. А насчет другой... – У него резко обозначились скулы. – Ты в своем уме? Я никогда тебе не изменял! И если бы ты была полноценной женщиной, ты бы это чувствовала. Но ты – манекен из пенопласта. Правильно мне говорил Коля – оператор на первом студенческом фильме.

Он резко встал, допил бутылку из горлышка и вышел в сад. Он не жалел о том, что так ужасно ее оскорбил, точнее, ранил. Это была единственная возможность – не ударить, не разгромить все эти ее украшения и вазочки с цветами. Он испортил ей жизнь? А она ему нет? Выбирала именно она, он просто не мог отказаться от такого подарка. И с тех пор получает по полной программе.

Андрей сидел на ступеньке крыльца, крепко сжав зубы и кулаки, стиснув их между коленями. Надежда спокойно подошла и встала рядом, облокотившись о перила.

– Ты стал очень нервным, тебе не кажется? Вроде бы и не перерабатываешь. Коля как раз сегодня звонил, сказал, ты отказываешься от всех экспедиций, работаешь только в Москве и Подмосковье. Он думал, у нас какие-то проблемы. Я сказала: да, проблемы есть. И всем своим пенопластом я чувствую, что это так.

– Извини, – сказал Андрей. – Не хотел тебя обидеть. То есть – наоборот, хотел тебя просто обидеть. Ничего такого о тебе Коля не говорил. Думал, посидим разок нормально, как люди, но... Не выходит у нас ничего.

– Ты тоже извини, – ровно ответила Надежда. – Коля так говорил. Он это всем говорил, не только тебе. Он такой. На него я не обижаюсь. И я тебя тоже просто хотела обидеть, а на самом деле, как все адекватные соседи, переживаю из-за того, что Света пропала. Хотя почти уверена, что она сбежала от своего жениха с кем-то другим. Кстати, мне сегодня звонила Тамара из сорок шестой квартиры. Рассказывает, что этот жених, Арсений, ходит по дворам и квартирам, вопросы задает. Говорит, что будет собирать подписи под жалобой на следствие, которое дело отказывается завести и начать розыск. Полицейские, наверное, тоже считают, что она уехала с другим. Так вроде считают даже родители Светланы. Ухажеров было очень много.

– Надя, зачем ты мне всю эту ерунду рассказываешь?

– Ну, мне делать нечего, проблем нет, мне интересно, чем дело кончится. Тем более Арсений говорит: на сто процентов уверен, что кто-то из тех, кто слюни пускал, глядя на Светку, мог ее изнасиловать и убить. Он всех таких знает в нашем дворе. Список составил. Тамара потому и позвонила, что ты там тоже есть...

Глава 6

Они спали в разных комнатах: она на втором этаже, он на первом. Точнее, не спали. Каждый лежал у себя в кровати и смотрел в открытые окна, на темные, застывшие деревья в буйной листве. Оба страдали. Оба понимали, что ничего, кроме бессмысленной несвободы и абсолютного непонимания, в своем браке не приобрели. Вроде бы не дети были, когда встретились, но ни один из них не знал, что такое любовь. Оба считали себя не слишком эмоциональными, зато очень здравомыслящими. Решили, что подходят друг другу во всех отношениях, в том числе физиологическом. И какое-то время именно так и было. Иначе не родился бы столь удачный ребенок, как Игорь.

«Как же я позволил сыну жизнь испортить! – думал Андрей. – Для него у нас если не тюрьма, то бесконечный невидимый бой. А что я мог? Да поломать я все это мог! До того, как случился этот кошмар, который все превратил в хождение над бездной. Надя сказала, что я в списке у этого типа – жениха Светланы. Чем это для меня опасно? Да чем угодно. Все больше хочется одного: чем скорее произойдет разоблачение, тем лучше. Вот только чего хочется Светлане – вопрос».

Андрей лежал, неукрытый, на светлой простыне. Неподвижное массивное тело ему самому казалось окаменевшим. И вдруг он опять услышал голос Светланы, которая позвонила ему, чтобы сказать, что поела, что благодарит. Он остался таким же неподвижным, лежа в темной комнате, но на самом деле чувствовал, что весь растаял, как кусок сливочного масла на солнце. Так странно: он был, казалось, не способен ощутить то, что люди называют счастьем. В общем, ему не хотелось летать ни тогда, когда встретил Надю, ни когда женился, ни когда сын родился. Ему всю жизнь говорили, и он сам так считал, что яркие эмоции ему не даны природой. Вот за это заблуждение он и поплатился. Никто этого не замечает, а он – то в огне горит, то во льдах цепенеет. И сегодня он испытал что-то очень похожее на счастье. В самом своем большом несчастье. Хотя... это он напрасно, как выяснилось, думал, что никто ничего не замечает. Вот у Арсения, лощеного кренделя, который объявил себя женихом Светланы, он в списке подозреваемых. И тот уже успел этот список всему району огласить...

Надежда лежала в темноте спальни в красивой позе, как перед камерой, с вымытыми и тщательно уложенными феном волосами, в нарядной ночной

рубашке, французской, из тонкого батиста, с вышивкой. Она не понимала, почему так несчастлива. Она всегда права. Она красивее большинства женщин, честнее очень многих людей, лишена корысти, как, наверное, единицы. Для того чтобы стать очень богатой, ей даже не нужно было бы вступать в брак по расчету. Надя родилась в семье достаточно заметного чиновника и очень рано поняла, что у них нет проблем. Нет ничего такого, чего папа не мог бы купить. К такому положению легко привыкают. Но после восемнадцати, когда отец решил записать на нее, как и на старшего брата, какой-то левый бизнес, у нее произошло отторжение. Именно в родительском доме, где говорили только о деньгах, где все телефонные разговоры шли о каких-то загадочных проплатах, а не о зарплате, как у родителей подруг, – ей стало как-то скучно, а временами просто тошно. Вот развелись родители и остались вместе. У папы какая-то мания – на всех родственников записывать то, что надо от кого-то скрывать. Значит, это попросту украдено? Это грязные деньги? Чистых в таком количестве не бывает. Надежда даже поехала на работу с водителем и охраной. Ее офисом был старинный особняк, где, кроме нее, чаще всего никого не было. Она читала, играла в компьютерные игры. Изредка на короткое время приезжали деловые люди, садились за компьютеры, переводили откуда-то куда-то огромные суммы, распечатывали документы, на которых она ставила подпись. Ей эта муть страшно надоела. Она потребовала, чтобы отец переписал все это к чертям на кого-то другого, чтобы помог ей поступить во ВГИК и купил квартиру. Мать слушала их ссоры с хронически ошалевшим видом. Наде казалось, что бесчисленное количество пластических операций сильно повредило ее разум. «Ты сейчас выглядишь моложе меня, – сказала она ей однажды. – А мне двадцать. Я боюсь, что через несколько лет ты станешь агукать в манежике, а мне придется менять тебе памперсы». Мама даже не сообразила, что нужно обидеться.

Все получилось, как хотела Надежда. Ее освободили от бизнеса, она поступила во ВГИК, отец купил ей не шикарную, но хорошую квартиру. Расстались холодно, видятся редко. На ее свадьбу с Андреем родители не пришли – не та песочница. Да они бы там плохо смотрелись, Надя бы стыдилась их. Свадьба была красивая, актерская. Когда после нее появилось ощущение, будто что-то не так? Скоро началось. Надя не проснулась как женщина, потому что в Андрее не было страсти. Желание было, конечно, но восторга, поклонения, обожания – ни на грош. Допустим, он эмоционально туповатый, таким его считали все. Но, по логике, именно такой и должен был прикипеть. Мог ли он мечтать о такой женщине, которая, ко всему прочему, еще и верна ему в любой ситуации? Он неплохо к ней относился, но даже рождение сына их не сблизило. Он принимал все как должное, а не как награду. А она постоянно чувствовала себя

оскорбленной. Особенно когда, вернувшись со съемок, он восхищался талантом какой-нибудь актрисы. Надежда старалась верить, что он ей не изменяет, но знала, что такое съемки. Все возможно. Однако дело не в этом. Просто Надя открыла для себя страсть в самом тяжелом и зловещем варианте. Она уже сама не хотела своего мужа как мужчину. Но ревность ее терзала постоянно. Да, ее стал раздражать даже сын. Он рос таким же красивым, как она, но с возрастом она и в нем стала находить то, что враждебно ее сути. Никакого порядка в его действиях и мыслях она не видела. И, главное, не могла найти способ вписать его в ее собственный порядок. Заставить. Он уходил от нее, убегал. И он не любил ее. Он предпочел свободу. Уже было почти светло в комнате, а Надежда лежала, ни на минуту не сомкнув глаз. Сухих глаз, в которых не было ни надежды, ни желания встречать новый день.

Что бы ни случилось – а что-то вскоре непременно случится, – ей не будет хуже, чем в тот день, когда она увидела лицо Андрея, смотревшего на девочку-соседку. Никто бы, кроме Нади, не прочитал это выражение. А она сразу поняла. Это то, чего она так от него и не дождалась. Страсть. Разумеется, Надежда была уверена, что Андрей не совершит ничего ужасного, пока Света подросток. Но она выросла. И вместе с ней выросла Надина ненависть к сопернице, которая и не догадывается о том, что она соперница. А ревность и ненависть – это болезни, которые нужно прятать ото всех. Особенно от тех, кто близко. Она и прятала. Забывалась, только когда возилась с цветами.

Допряталась. Она дошла до ручки. Ждет, как горького праздника, дня, когда все узнают, что Светы нет в живых. Это произойдет скоро, иначе быть не может. Да и мужу счастливой жизни она не желает. Мягко говоря.

Глава 7

Утро было ярким, залитым солнцем – и мрачным из-за этой неослабевающей напряженности двух людей, которым тяжелее всего быть вместе. Хотя они именно на это и подписались, чтобы «и в горе, и в радости». Но не было у них ни общего горя, ни общей радости. Всего лишь общее место для жизни, где каждый защищает от другого свое личное пространство.

Надежда после короткой, тщательно выверенной гимнастики, прохладного душа, сеанса ухода за лицом – она легко обходилась без косметологов – пришла в легких светло-голубых бриджах и такой же майке на кухню готовить завтрак. Среди ее многочисленных достоинств была последовательность и в этом. Что бы ни происходило между мужем и женой, мужчину нужно кормить хорошо, плотно, сытно. Она взбила четыре яйца с молоком и приготовила пышный омлет на оливковом масле. Затем порезала на тонкие ломтики бекон, практически без мяса, только сало. Надя, как многие нервные и ревнивые люди, страдала от гастрита. Сало обволакивает стенки желудка, является антираковым средством. В нем есть все необходимые витамины и аминокислоты... Ночью Надежда не желала мужу не только здоровья, но и жизни. Но готовит она ему лишь то, что считает полезным. Потому что она должна оставаться правильной, независимо от того, насколько неправильным оказался он. Помидоры и огурцы, которые вырастила сама, она просто порезала пополам. Так вкуснее и тоже полезнее, как она считала. Андрей не любил ни чай, ни кофе, а квас и колу, которые он покупал, Надя считала вредными и взбивала ему на завтрак молочный коктейль из молока, которое покупала в деревне, и мороженого исключительно на сливочном масле. На растительном вредно.

Андрей в спортивном костюме какое-то время стоял на пороге и наблюдал за ее четкими, уверенными действиями. Он знал все ее теории про «полезно» и «вредно». Они его раздражали. Они делали ее в его восприятии невыносимо скучной. Сейчас, после бессонной ночи, он угрюмо думал, что добрая женщина, прежде всего, поняла бы, как вредно людям жить в атмосфере недоверия и вражды. Надежда оглянулась, он встретил ее смятенный взгляд, и сердце его опять стало таким тяжелым, что дыхание перехватило. «Господи! Я схожу с ума. Какое доверие! Она же во всем права. Она даже не знает, насколько все хуже, чем ей кажется». Его лицо, как всегда, ничего не выражало.

Они молча завтракали. Надя небрежно спросила:

– Ты нормально себя чувствуешь?

– Конечно. А в чем дело?

– Ты отказываешься от дальних экспедиций. Может, имеет смысл взять отпуск, полечиться?..

– От чего лечиться? И с чего ты взяла, что я отказываюсь?

– Я же говорила, Коля звонил.

– Я помню! У вас логика одноклеточных, – раздраженно буркнул Андрей. – Коле кажется, что если он позвонит жене, то решится наш рабочий вопрос. Тебе – если я не хочу ездить в дальние экспедиции, значит, практически инвалид. Мне неохота, так понятно? Ему я уже пытался объяснять. Мне надоел сам процесс перемещения на большие расстояния. Я работаю на проектах, которые снимаются близко. Работаю! И не только с Колей. Это и есть мой отпуск.

– Мы могли бы куда-то поехать, если бы ты взял настоящий отпуск.

– Надя, ты же прекрасно знаешь, что мы бы не могли никуда вдвоем поехать. Потому что это было бы пыткой. Дома мы можем разойтись по этажам. В гостиничном номере такой возможности нет. Да и денег у нас на нормальный отпуск мало. В том числе на номер, в котором мы могли бы не наткнуться друг на друга. Давай не возвращаться к этому вопросу. Да, самое главное: я не люблю отпусков. Я не люблю развлечений, отвлечений и достопримечательностей.

– Ты не любишь меня, прежде всего...

– Елки... Ты настолько не в форме сегодня? Такой чуши я не слышал за все двадцать лет совместной жизни! Я понятия не имею, что люди подразумевают под словом «любовь». Ты, мне кажется, тоже. В этом отношении мы очень подошли друг другу.

Андрей со стуком поставил на стол стакан с недопитым коктейлем, встал, направился к двери, чтобы выйти в сад. Почти столкнулся с сыном. Удивленно посмотрел на него.

– Кто-то сдох в лесу, не иначе. Сынок нас посетил. Я перевел бы тебе деньги, как всегда, на карту. Или ты ее потерял?

– Я потерял ее и многое другое. Короче, у меня украли бумажник, документы, мобильник, ключи. А замок мама поставила такой, что взломать я его не смог.

– Но дело не в этом, – не спросила, а утвердительно сказала Надежда. Она знала своего сына. – Что-то случилось еще, кроме того, что тебя обокрали и ты не мог взломать дверь.

– Обожаю, мама, когда ты вещаешь, как Ванга. У тебя получается. Случилось. – Он просиял своей чудесной улыбкой, но глаза остались серьезными. Только сейчас родители заметили, как необычно он бледен.

– В чем дело? – резко спросил Андрей.

– Да это как-то неважно, мне кажется. Вроде тот случай, когда родители помогают. Наверное, глупость я сотворил, но вдруг решил спасти человека. Замок я не вышиб, решил пойти в ДЭЗ – позвать кого-то на помощь или дрель какую-то попросить. Иду через сквер. А там, прямо у дорожки, лежит под кустом мужик. Голова в крови. Я подошел, посмотрел, голову ему приподнял. Это оказался Арсений, жених Светки из нашей школы, помните, может? Ну, глаза у него закрыты, башка в крови, руки у меня тоже. Телефона нет. Я попросил какую-то женщину позвонить в полицию. Она позвонила, сказала, где это, и ушла. Я стою, чтобы показать. Они приехали довольно быстро. Ну, осмотрели, «Скорую» вызвали... Те сначала сказали, что вроде все, потом получше присмотрелись, послушали... Сердце бьется. Увезли куда-то. А мне вопросы стали задавать. Какие вообще тут вопросы? Что я видел, то и они увидели. Заставили сесть с ними в машину, повезли в отделение, когда я про документы сказал – то ли обрадовались, то ли мысль их посетила. Короче, выпустили меня под подписку о невыезде. Это вам как?

– Как обычно, – мрачно сказал Андрей. – Ты – главный и, боюсь, единственный подозреваемый. Они никого больше искать не будут. Ты поступил как идиот.

– Он поступил правильно, – ровно сказала Надя.

– Как идиот, – возразил Андрей. – Вызвал – и надо было бежать оттуда впереди собственного визга.

– Я бы далеко не убежал. У меня по телефону все данные спросили. И адрес тоже.

– Да, не убежал бы... Иди руки помой, то есть помойся как следует весь. Надо подумать. В конце концов, есть у нас твой дедушка, а мой отец, который не просто генерал, а ходячий свод законов. Вот только поверит ли он тебе, не знаю. За папашу не поручусь.

Когда Игорь ушел в ванную, а Надежда стала убирать со стола грязные тарелки, руки у нее дрожали, одна тарелка разбилась. Поднимая осколки, Надя порезалась. Она посмотрела на кровь на ладонях и тихо сказала:

– Удивительное совпадение, правда? Я вечером рассказала тебе, что ты у Арсения в списке подозреваемых по поводу исчезновения Светланы и, возможно, ее убийства, а на следующее утро происходит такое...

– Ты в своем уме? Мы ночевали вместе!

– Нет, не вместе. Я понятия не имею, где ты провел ночь. Ты мог уйти и вернуться на рассвете. Я ночью смотрела в окно и твоей машины не видела. Утром она появилась опять. А то, что наткнулся на тело наш сын, – это наказание. Судьба не прощает.

– Игорь прав: тыходишь в роль вещуньи и остановиться уже не можешь. Сейчас, когда надо что-то решать, выручать сына... Он всегда был для тебя лишним. Знаешь, я уеду вместе с ним. Первый раз в жизни он обратился за помощью. Сумасшедшая мать ему точно не в помощь.

– Но если меня спросят, я буду говорить правду.

– Да пошла ты! – махнул рукой Андрей и пошел к выходу. – За водкой я ездил, но это не твое дело. Подожду Игоря в машине.

Надежда застыла, глядя ему вслед, зажав рот ладонью, как древняя старуха. Это неправильно – оставлять ее одну, разрушать то, что хотя бы внешне было семьей. Она всего лишь сказала то, что думает. Да, она подозревает в первую очередь его. Но он, вместо того чтобы оправдаться, уходит... У Нади все плыло перед глазами...

Глава 8

Андрей с Игорем ехали в Москву. Сын спокойно задремал на заднем сиденье. Андрей напряженно думал. Игорь попал в неприятную ситуацию. Все зависит от того, нужно ли какому-то следователю раскрыть преступление. Если нужно, если светит очередное звание или место повыше, он может постараться. Он может очень постараться испортить жизнь сыну. А это выглядит как допросы, опросы, обыски, сбор информации. И Надя будет говорить все, что считает нужным. То есть, искренне полагая, что помогает сыну, начнет топить мужа. Наконец ему отомстит. За что? О! Если это начнется, будет за что. Они узнают, что Андрей купил маленький домик далеко от Москвы, скрыв это ото всех. Они найдут там истощенную, изувеченную Свету... Любой эксперт, наверное, определит, что она жестоко изнасилована. Ей не была оказана профессиональная помощь. И была попытка – сейчас уже, возможно, не просто попытка – убить ее жениха. Андрей, сын генерала МВД в отставке, умел ловить тенденцию момента. Если Надя скажет, что он был давно влюблен в Светлану, если она не подтвердит его алиби – она не спасет сына. Все будет наоборот. Следствие накрутит им с Игорем преступный сговор. А Света... Об этом думать невозможно. Надю надо заставить замолчать. Как-то.

Отец... Скажи кому-то – не поверят. Генерал на пенсии живет в Чертанове, в однокомнатной квартире панельной девятиэтажки. И это для Кирилла Панина было очень логично. В отставку он ушел в девяностых годах, и многие подчиненные с радостью послали ему вслед воздушные поцелуи. Он замучил их своей честностью и требовательностью. Человек, попавшийся на взятке, в самом лучшем случае не отправлялся под суд. А вышибал его из органов Кирилл Игнатьевич так жестоко, что он не мог мечтать даже о месте охранника. Панин умел создавать репутацию. Сам ушел в отставку без сбережений, а то, что лежало в банке на имя матери Андрея, спалил кризис. Андрей поступил во ВГИК благодаря связям матери-искусствоведа. Но жили они очень трудно. И отец устроился в коммерческий банк начальником службы безопасности. Счастье было так возможно... Но папа взялся за свое. Начал бороться со злоупотреблениями, отслеживал «грязные» деньги, шел по следу туда, где быстро и коллективно поняли: от него надо избавляться, пока все не сели и по миру не пошли. В общем, простились, доходчиво объяснив генералу, что лучше уйти самому и живым.

Жили они тогда в хорошей четырехкомнатной квартире у Тимирязевского парка. И папу, выгуливавшего там собаку, окрутила молодая женщина, которая не

знала, что не все генералы одинаковые. Она там прогуливалась после работы. Как полагали Андрей и его мать, как раз с целью поймать богатого мужа. Все было у «молодых» хорошо, когда он развелся и, как честный человек, на ней женился. А вот когда он оставил жене и сыну квартиру и переехал к любимой в однушку в Чертаново, любимая очень погрузилась. Генерал этого не понял. Он вообще не все себе разрешает понимать. Например, то, что сильно погорячился с этим разводом и браком. А у матери дела пошли нормально. Ее часто приглашали в университеты мира читать лекции, печатали солидные издания. Отец иногда приезжал к ним в гости. Часто на метро. Однажды он увидел во дворе, как бывшая жена выходит из дорогой машины. Подошел и сурово спросил: «Воруешь?»

Вот такой имеется у Андрея папа-генерал, и связей у него не может быть по определению. Кто же с таким будет связываться? Но он хороший человек и любит внука. И ничего другого Андрей придумать не может. Игорь – везучий парень, может, все и обойдется самым лучшим образом: дело, как обычно, после какого-то времени спишут в архив. Но за это время следствие успеет опросить Надю, узнать о списке Арсения, пострадавшего жениха, а дальше – Света... Тем более Арсений, по словам Нади, куда-то еще жаловался на то, что ее не ищут. Тут все может для кого-то так удачно сложиться, что ему, Андрею, не уцелеть. Он и без того не знает, как выбираться из своего лабиринта.

– Игорь, – повернулся он к сыну, – у тебя есть телефон следователя?

– Ну да. Он мне нацарапал, чтобы я ему докладывал, если, к примеру, к вам поеду. И чтоб номер телефона сказал, когда куплю. Я в шоке от этого бреда. А ты?

– Смысл? – пробормотал Андрей. – Бред нужно принимать, улавливать его направление, действовать по его правилам.

– Это уже сюр, – зевнул Игорь. – А зачем ты спросил про телефон?

– Ну как! Надо же узнать, жив ли Арсений!

– Точно. Хотя лучше было бы, если бы его нашел кто-то другой. Вот просто неудачная находка. Он мне не нравится. А что для меня лучше, чтобы он был жив или наоборот?

– Слушай, Игорь, начинай быть серьезным. По-человечески мы хотим, чтобы он был жив. И я надеюсь, что он сможет вспомнить, кто на него напал, из-за чего. Не знаешь, ограбили?

– Не-а. У него нашли бумажник и айфон. Я вот о чем подумал. По голове ударили. А если он скажет, что это я?

– Но это же не ты?! Ты же спасал?

– Я правду рассказал. Но говорю же, по голове ударили. Может, у него там все уже заглохло... Ладно, давай телефон, позвоню, вот бумажка. Але, Николай Петрович? Здравствуйте. Это Игорь Панин. Я хотел спросить, как дела у Арсения Савельева, которого я нашел? А, понял. Зачем? Это я не очень понял. Хорошо, но сегодня не могу. И завтра не могу. Мне нужно съездить к дедушке. Он генерал МВД. На пенсии, конечно. Без всякой цели сказал. Просто это так, я думал, вам интересно. Хорошо. Послезавтра приеду.

Игорь вернул Андрею телефон.

– Арсений жив, состояние стабильно тяжелое. Следак сказал, чтобы я приехал, ну, ты слышал. Спрашивал, с какой целью про дедушку сказал. Тебе тоже показалось, что он дурак?

– Это второй вопрос, – задумчиво ответил Андрей. – Первый – это реакция моего папы. Он давно ушел от дел, а сейчас, как все это услышит, как вспомнит все былое, как внедрится... Опасаюсь я этого.

– Дед, конечно, фрукт, – согласился Игорь. – От него требуется просто тихо погасить мой подвиг. Чтоб от этой подписки избавиться. И вообще я никакой не свидетель. Но у деда может оказаться другой план. Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...

– Да, и врагов у папы много.

– Ну, какой есть. Не использовать его мы не можем. Но хочешь, скажу тебе, какой будет его первая фраза? «Расскажите мне все подробно и, главное, честно».

Глава 9

У Карины был день рождения. Двадцать восемь... Она не готовилась к нему, никого не приглашала и ничего не планировала. Она сама и не отмечала никогда в традиционном смысле дни рождения. Это было только в первые восемнадцать лет, в доме родителей, где готовила мама, убирала домработница, а Карина, нарядная и счастливая, принимала подарки от большого количества гостей – сверстников и взрослых. В последний раз – в день восемнадцатилетия – за поведением Карины уже строго следил жених. Они вместе собирались из родной Самары в Москву, где Карину ждала подаренная ей на совершеннолетие папой квартира. Отца, известного в их городе профессора медицины, пригласили в министерство на серьезную, но уже чиновничью должность. И как-то по умолчанию всем дома стало ясно, что он поедет туда без жены. Новое место, новая жена. Но о дочери он позаботился. И когда она поступила в МГУ, он часто ей звонил, приглашал, она несколько раз побывала в его чисто чиновничьих апартаментах, а не человеческой квартире. Как он мог там жить? Карине там не понравилось. Новая папина жена была ничуть не лучше и даже не моложе мамы, вела себя как-то взвинченно и напряженно, а гости совсем никуда не годились. Это были или нужные папе люди, или папа им был нужен. У них имелись хорошие должности, звания, но Карина там ни разу не видела интеллигентного человека. Такого, какие приходили к ним домой в Самаре.

Все закончилось как-то быстро и страшно. Папа успел только разрулить ситуацию с квартирой Карины, когда она убежала от мужа. Мужу нашли недорогое жилье, а Карина вернулась к себе. И тут папа, совсем не старый и, казалось, здоровый человек, очень крупный, полный, внезапно умер. Он почему-то отпустил в тот день водителя, а сам решил проехать несколько остановок на метро. Приехал на свою станцию, а там было какое-то ЧП, на платформе скопилось много народу, у него, наверное, закружилась голова, кто-то толкнул, и он упал лицом вниз... Патологоанатом потом сказал Карине, что отец раздавил своим весом сердце.

– Как это? – в ужасе спросила Карина.

– К сожалению, он оказался в ситуации, в которой у него не было шансов. В нем почти двести килограммов, под два метра рост. Больное сердце. Всегда носил в

кармане нитроглицерин. Он был у него и в тот день. Попал в это ЧП, давно не ездил на метро, в принципе. Видимо, стало плохо, не успел достать лекарство, упал лицом вперед, на грудную клетку. Как говорил Амосов, сердце – это всего лишь насос... Всего лишь. Двести килограммов остановили кровообращение. Что увидели мы – я не буду тебе рассказывать, детка. Несмотря на то что твой папа был в Самаре лучшим патологоанатомом и ты многое знаешь. Просто сейчас тебе это не стоит представлять...

На отпевании в церкви у вдовы вдруг от свечки загорелся воротник норковой шубы и прядь волос. Карине это показалось ужасным знаком, она не осталась на поминки. С кладбища мчалась домой и думала о том, что этот город их не принял. Карину лишил иллюзий, отца убил. Мама уже жила в Испании с другим мужем.

Мама сегодня позвонила поздравить первой.

– Здравствуй, доченька! Поздравляю тебя. Ты так и не выбралась к нам. Почему?

– Надо сдать работу. Мало времени на то, чтобы валяться и лениться. Потом опять будет работа.

– Плюнь! Или тебе есть нечего? Прислать денег?

– Не вздумай. Мне хватает. Плюнуть просто нельзя. Из режима выпаду. Но я приеду. Господи, по сути, рукой подать!

– Мы желаем тебе всего-всего! Ты моя Кара, не забывай!

– Спасибо. Как интересно получилось. Ты меня Кариной назвала. Уехала в Испанию. А на испанском «кара» – это «любимая». Вы поэтому меня так называли?

– Нет. Ты была такая чудесная, мы не могли ничего достойного придумать. И пришел папин друг, профессор. Посмотрел на тебя, на нас и говорит: «Тут и думать нечего. Помните, как назвал ребенка настоящий отец в «Оводе»? Это потом он стал Артуром. А отец, падре, назвал его «Карино» – драгоценнейший. Назовите Кариной. Пусть ей повезет». Мы так обрадовались. Я только не знаю, помогло это или нет...

– Помогло, конечно, – сказала Карина. – Понемножку все время везет. Когда случится что-то очень-очень, обязательно сообщу.

– Да, – почему-то грустно сказала мама.

После ее звонка Карина уже не хватала телефон сразу. Отвечала далеко не всем. Поговорив с несколькими знакомыми, решила, что устала благодарить за пожелания счастья и здоровья, неохота тратить на это день и разочаровывать людей, которые явно ждут приглашения. Вот это – нет. Потому что на самом деле у Карины был план на этот день. Она хотела отпраздновать в одиночестве тот факт, что родилась на свет двадцать восемь лет назад. Только для нее это сложное и неоднозначное событие, только для себя она хотела ясного и честного, что ли, дня. Чужой день рождения – это всегда протокол. Говорить приятности, дарить ненужные вещи, шутить, неискренне смеяться чужим шуткам и в результате напиваться... Как-то так. Она собиралась помыть голову и уложить волосы, подкраситься, надеть красивое платье. Однажды к ней приехала бабушка, тогда уже отношения с мужем трещали по швам. Он ушел на работу после очередной ссоры. А бабушка сказала: «Кариночка, накрась губы. Когда женщина подкрашена, люди думают, что ей хорошо живется».

Карина собиралась сегодня выглядеть как женщина, которой хорошо. Ей и на самом деле неплохо. Она совершенно не понимала людей, которым бывает скучно в одиночестве. Ей казалось, они как-то неправильно созданы. Чего-то не хватает в организме, и это приходится искать в других. Другое дело – любовь, но это на самом деле такой обман. По крайней мере, таков ее опыт, и второго ей не нужно. В истории остались имена нескольких врачей, которые сознательно заражали себя чумой, чтобы найти способ спасения для человечества. Они погибли. А один неожиданно для всех выжил, хотя его метод не стал открытием. Случайность. «Примерно так и с любовью, – завершила мысль Карина, – погибает или экспериментатор, или любовь». Она отправилась в ванную. Оттуда вышла с красиво уложенными волосами и подкрашенная. Надела очень простое и очень дорогое темно-зеленое платье на бретельках, которое однажды купила на весь гонорар от перевода. Посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась. Ей показалось, что тонкий, чуть поблескивающий шелк оттенил ее лицо, как зеленые листья – цветок. Она себе понравилась и почему-то сразу подумала об Игоре. Он обещал позвонить, когда купит новый телефон. В тот день, когда он уходил, она спала. Проснувшись, обнаружила, что он с одного ее телефона послал на другой смс: «Спасибо. Позвоню. Мой адрес, чтобы ты могла найти, когда увидишь, что я тебя все-таки обчистил». И адрес. Интересно, он заходил в

спальню? И какой она ему показалась, когда спала? И вообще, какой показалась?

Когда зазвонил телефон, Карина взглянула на незнакомый номер и сразу ответила. Она не сомневалась, что это Игорь.

- Привет, - сказал бывший муж Стас. - Поздравляю тебя с днем рождения.

- Здравствуй, - ответила Карина. - Спасибо.

- Не пригласишь?

Она уже смотрела с балкона вниз и видела его на дорожке, ведущей к подъезду. Черт побери, он ведь так поступает не в первый раз, она должна была предвидеть! Был день, когда он сидел на скамейке детской площадки часов шесть, сгорбившись, опустив голову. А она металась по квартире и казалась себе чудовищем, злопамятным и мстительным, которое причиняет человеку страдания просто так. Но тогда Карина обнаружила в себе островок здравого смысла, соломинку самосохранения и уцепилась за нее. Уходить нужно только один раз. Жалость может затянуть в такое болото...

- Не приглашу, - ответила она спокойно. - Я тебя вижу. Пожалуйста, не устраивай мне блокаду у дома. Я не одна, ко мне придут еще гости. Короче, ты зря сюда приходишь без договоренности. В принципе, мы можем встретиться, конечно, но звонить от подъезда нельзя.

- Не одна? - произнес он таким тоном, как будто ненадолго отлучался по делам, а она ему сразу изменила. - Значит, у тебя кто-то ночевал?

- Господи! - простонала Карина. - Какое твое дело?! Ты сумасшедший! Мы давным-давно не живем вместе. И я этому очень рада. Уходи, Стас.

Она разъединилась, ушла с балкона, чтобы не видеть, как он, сгорбившись, сядет на скамейку или поплетется прочь, как изгнанник, как изгой, как жертва. Дело в том, что он опять ей таким казался. Возможно, он таким и был. И она просидела часа два на кухне, просто сжав до боли руки, зубы, уже не отвечая на звонки и даже не глядя на дисплей телефона. Когда она наконец решилась опять посмотреть с балкона, его уже не было. Теперь нужно вернуться к себе и к

своему плану. Она пойдет в магазин, купит бутылку хорошего шампанского, торт, что-нибудь еще и просто расслабится. Потом послушает музыку. Может, посмотрит кино. Она редко устраивала себе выходные.

Карина взяла сумку, положила туда бумажник. И вдруг нашла в телефоне смс с адресом Игоря. В конце концов, он ее находка. Если бы она его не разбудила тогда, неизвестно, что бы еще с ним произошло. А вдруг что-то уже произошло? Парень-то стремный...

Глава 10

Карина приехала по нужному адресу очень быстро. Нашла в конце Большой Дмитровки старый отреставрированный кирпичный дом. Въехала в довольно пустынный двор, поставила машину у ограды, нашла нужный подъезд. Входная дверь была открыта, из нее вывозили детскую коляску. Карина вошла и обратилась к парню-консьержу за стеклом:

– Мне нужно в сорок пятую квартиру, к Игорю, мы договорились... – Она с ужасом подумала, что не знает фамилии Игоря и ситуация может показаться неприличной.

Но парень просто кивнул:

– А, они как раз приехали.

Карина благодарно ему улыбнулась и пошла по лестнице, мимо лифта. Ей было неудобно спрашивать у консьержа, на каком этаже квартира. «Авантюры – это не мое, – думала она. – Или просто нет практики?»

Дверь квартиры открылась сразу после ее звонка, и Игорь застыл на несколько мгновений, изумленно ее разглядывая.

– Ты, что ли? Ты меня нашла?

– Думаю, как ответить на твои вопросы. Это я. Карина, если ты не совсем узнал. Я тебя не искала. Я приехала по адресу, который ты мне оставил сам в эсэмэске. Сразу отвечу на твои неозвученные вопросы. По тебе не тосковала, на тебя не запала. Просто я нашла тебя в плохой ситуации, и мне хотелось узнать, не оказался ли ты в еще худшей. Вот и все. Позвонить мне, как обещал, ты и не подумал...

– Слушай, Кара, ты вроде злишься и в то же время очень красивая, – просиял улыбкой Игорь. – Я звонил тебе полчаса назад! Честное слово. У тебя телефон не отвечал.

Карина достала из сумки телефон и посмотрела журнал вызовов.

– Врешь. Впрочем, ты на какой номер звонил?

Игорь выпалил номер, как ученик, ждущий пятерку.

– Это может быть, – согласилась она. – Я тот телефон оставила дома. Потом проверю.

– А этот такой? – И он так же радостно выпалил еще один номер.

– Да. Хорошая память?

– Феноменальная. Так все говорят. Я с домашнего тебе звонил, потому что не успел купить телефон. Сразу проблемы навалились.

– Я так и думала – насчет проблем. А по поводу домашнего телефона – как-то не сообразила посмотреть по адресу. – Она смущенно улыбнулась. – Спонтанно решила подъехать.

– Не оправдывайся, – расплылся он в довольной улыбке. – Ты этим себя выдаешь. Шутка! Проходи. Особенно ничего не рассматривай. Я здесь в основном один живу, предпочитаю срач. Иногда приезжает мама и его разгребает. А сегодня я с отцом приехал. Недавно. Так что ты по домашнему все равно бы не дозвонилась. И, не дай бог, начала бы по моргам звонить, как делала иногда моя мама, когда я убегал.

– Я не знаю твоей фамилии, – спокойно напомнила Карина, окинув взглядом большой холл, в не таком уж запущенном состоянии, – поэтому по моргам бы звонить не стала. Я точно вам не помешала?

– Нам можно только помочь, – тяжело вздохнул Игорь. – Такие мы хронически невезучие люди. Опять у меня такая петрушка... Проходи в комнату.

Они вошли в гостиную, там было все нормально, не хватало только влажной уборки. Карина села на краешек очень большого дивана.

– Надо бы тебе чего-то дать, только у меня ничего нет, – сказал Игорь. – Я и сам хочу есть, пить, забыться и заснуть.

– Давай сходим в магазин, – предложила Карина. – У меня на сегодня был план. Я хотела купить шампанского и торт.

– Мне??? – Игорь от удивления приоткрыл рот.

– Себе! Ты вообще возник внезапно, как объект благотворительной миссии, – холодно заметила она. – Я собиралась одна, как люблю, отпраздновать свой день рождения.

– А давай! – обрадовался Игорь. – И пожрать!

– Сидите, – раздался мужской голос, и в комнату вошел очень крупный мужчина с неподвижным, тяжелым лицом. Отец Игоря. Как они непохожи! Она встала, поздоровалась и протянула мужчине руку:

– Карина.

– Андрей, – он легко сжал ее ладонь. – Я говорю, вы посидите дома, я сам схожу в магазин. Насчет торта и шампанского понял. И что Игорь, как всегда, голодный – тоже.

Он тяжелой походкой направился к выходу, они услышали, как хлопнула входная дверь.

– Неудобно как-то, – сказала Карина.

– А в чем неудобство? Он бы и так пошел, без тебя. Теперь и шампанского принесет. Нам надо. У нас такое... Сейчас расскажу. Да, а как тебе мой папахен? Только не говори, как все, что я на него не похож. Этот вопрос обсуждается двадцать один год безрезультатно, поскольку он точно мой отец. Я спрашиваю, как он тебе показался независимо от меня?

– У меня как раз не возникло сомнений в том, что он твой отец. Совершенно одинаковая форма руки, рост, плечи... Только он очень удрученный. Из-за тебя?

– Seriously? Я удивляюсь. Как будто бы мне сказали, что этот шкаф удрученный. Нет, я хорошо отношусь к отцу, но у него не бывает никаких изменений и выражений лица. Может, ты это имела в виду?

– Приблизительно. Но какая-то у него на душе большая тяжесть. Я выразилась, как цыганка-гадалка, но примерно так и почувствовала. Ну, что у тебя стряслось?

Когда Игорь все рассказал, Карина некоторое время сосредоточенно думала.

– Ты тоже считаешь, что все так хреново? – не выдержал он.

– Знаешь, тут просто нужно правильно выстроить линию поведения. Не дергаться, не пугаться заранее. Подписка о невыезде – вещь неприятная, но это объяснимо с позиции следствия. Ты единственный свидетель.

– Я никакой не свидетель! Я что, видел, кто его ударил? Следователь видел ровно то же, что и я!

– Ну хорошо, не свидетель, хотя именно так сейчас называешься, раз нашел его. Но ты единственная зацепка. Иногда люди вспоминают какие-то детали... В общем, я тут не сильна. Но ты же ко всему еще и знаешь его!

– Один я его знаю, что ли? Он тут живет! Или жил, не знаю, как на данный момент. Он квартиру снимает через дом, уже года два.

– Вы хорошо знакомы?

– Да никак не знакомы. Здрасте – до свидания. И то когда он со Светкой шел, которая со мной в школе училась. Она пропала, между прочим.

– Что значит «пропала»?

– Не знаю. Говорят, от этого Арсения с другим уехала. Ладно, ты не отвлекайся. Так ты думаешь, меня не схватят и не станут признание выбивать, чтобы повисить раскрываемость преступности?

– Я думаю, что нет. Просто худший вариант всегда нужно иметь в виду и не исключать его заранее. А вообще такие истории чаще всего кончаются ничем. Просто никого не находят.

Карина замолчала и глубоко задумалась.

– О чем ты думаешь? – нетерпеливо, как ребенок, спросил Игорь.

– О том, что все случившееся радовать, конечно, не может, но на данном этапе у вас слишком тяжелая реакция. Даже не у тебя, ты просто немного перепуган, а у твоего отца.

– Ты не знаешь еще, какой у меня дед. Он генерал МВД.

– Тогда вообще какие могут быть опасения?

– О! Деда надо видеть. И слышать. И тогда станет ясно, что лучше в таком деле без него. От его честности люди звереют. Но мы с папой хотим все же к нему стукнуться. Вдруг адекватность проявит. Ради разнообразия. И любви ко мне. Он ко мне как-то лучше относится, чем к остальному человечеству, включая жен и сына, то есть папу. Слушай, что я хочу тебе сказать в дополнение к твоим цыганским забобонам, – тяжесть там какая-то над моим папашей. Мы с ним ехали в машине, он мне велел следователю позвонить насчет Арсения. В смысле живой ли еще. Дал свой телефон. Я позвонил. Ну, ничего хорошего, конечно, сразу вызвал опять к себе, Арсений был тогда живой, но я о другом. Я сообщение свежее у папы в телефоне прочитал: «Я съела то, что ты приготовил. Спасибо».

– И кто это?

– Неизвестно. Я спросить как-то постеснялся.

– Но что ты думаешь? Ты говорил, у них с твоей матерью плохие отношения. Может, дело в этом?

– Если ты считаешь, что таким может быть послание от возлюбленной, то оно сильно странное. Поела и поела. Кто об этом пишет?

– Может... Ну, я так, совсем от балды. Вдруг у него есть другая семья и это другой ребенок? И поэтому такие плохие отношения с мамой твоей?

– Это могло быть с любым другим человеком, но не с папой. Знаешь, я тоже не первый день на свете живу. И вижу, что мои родители как бы соревнуются, кто честнее, кто вернее, кто больше ненавидит другого... И вообще, такие вещи, как любовница, другие дети, – это не скроешь. Нет ничего такого.

– Смешной ты, самоуверенный мальчишка. Скрыть можно все. А можно ничего не скрывать, а именно за это друг друга ненавидеть. Ты же ничего не знаешь, кроме своих проблем. Я – тем более с твоих слов. Когда-то, правда, все тайное становится явным.

– Точно? Расскажи про это! А еще лучше – погадай и полетай на метле. Нет. Тихо! Дверь открылась. Вставай. Начинаем готовить твой день рождения. Видишь, как тебе повезло! Не пришлось самой ходить за шампанским и тортом.

Глава 11

Надежда несколько часов пыталась заниматься обычными делами, вытесняя, как привыкла, тревогу, обиду, досаду на задний план. Это ведь почти нормальное для нее состояние. Но нет! Что-то изменилось даже по сравнению со всей ее неудачной семейной жизнью. Что-то совсем ужасное у них произошло. Она рассказала Андрею, что Арсений подозревает его в числе других мужчин в причастности к исчезновению Светы. Что Арсений собирается чего-то

добиваться, жаловаться. И утром его находят с пробитой головой. Отсюда до их района – часа полтора езды в один конец. Андрею было бы легко уложиться до утра. Конечно, он не мог предположить, что найдет Арсения именно Игорь. Это чудовищное совпадение. Но теперь Игорь в двусмысленном положении. Он говорит, у него руки были в крови Арсения. Его могут обвинить! А Андрей... Он способен подставить собственного сына? В этом вся проблема. Она не знает, на что он способен. Достаточно того, что она готова поверить, что он на это способен. С Игорем, конечно, все получилось случайно, по вечному невезению Игоря. Но сейчас Надя почти верит в то, что Арсений прав. Что Андрей изнасиловал и убил эту девочку. Потому что с момента ее исчезновения он значительно изменился. У него только выражение лица не меняется. Но за двадцать два года совместной жизни он никогда не отказывался от дальних экспедиций. И это – точно не совпадение. Или он был влюблен в Свету больше, чем это казалось Надежде, или он в чем-то виноват. Возможно, даже во всем. Он был единственным мужчиной Надежды, но она так много ждала от него, такой привязанности, преданности, страсти и благодарности, что постоянно думала лишь об одном: почему всего этого нет? Так много думала, так напряженно следила за ним, анализировала, что чувствует себя экспертом мужской психологии. И физиологии. Психологии и физиологии одного мужчины. Андрей способен на сильную страсть, но в браке он ее не удовлетворяет. При этом он, такой прямолинейный, с четкими, как квадраты, представлениями, семью разрушать он не хочет. Он мог так усердно давить в себе страсть, что она стала маниакальной идеей. Так бывает. Кажется, именно так и бывает... Надя явственно увидела только что созданную в теории ситуацию, незаметно и глубоко вошла в этот ад, и ее руки, всегда уверенные, ловкие, задрожали. Большая тяжелая ваза из бордового стекла, в которую она ставила букет свежесрезанных белых роз, опрокинулась, вода разлилась, розы рассыпались по широкому подоконнику террасы, упали на пол. Она смотрела на них с ужасом, как будто причинила им боль. Возможно. И еще – это знак. Ее жизнь, которая держалась на порядке, на любви к цветам, на уверенности в том, что именно она поставила сына на ноги, почти вывела в люди, у него будет прекрасная профессия... Все вот так рассыпается сейчас. Потому что одна беда потянет за собой другую, иначе у них быть не может. Все было слишком непрочным, ненадежно. Вот и сын получился такой – бродяга. Добродился. Есть еще свекор, он, в принципе, Надежде нравится, Игорька любит. Но он всю жизнь ведет себя как слон в посудной лавке. Он и сейчас все запросто усугубит. И все тайное станет явным... А, пусть! Игорь-то ведь точно ни в чем не виноват. Он хотел как лучше.

Надя собрала цветы, налила в вазу свежей воды, бережно их поставила, поправила лепестки, вытерла пол. Больше оставаться здесь она не могла. Нужно ехать в Москву.

Она открыла дверь московской квартиры, в которой не была довольно давно, и без удивления, готовая ко всему, прислушалась к голосам, которые звучали в гостиной. В основном говорил Игорь – как всегда: шутки, стеб. Иногда вставлял пару слов Андрей. И оба они умолкали, когда раздавался женский голос, хорошо поставленный, как у актрисы или преподавателя. Надя крепко сжала губы, потому что они дрожали от гнева. Она увидела себя, брошенную на даче, рассыпанные, никому не нужные розы на полу... Она не смогла без них, своих родных людей, она приехала, чтобы что-то вместе решить, сделала первый шаг. А они... Как-то так получилось, что другие женщины очень редко бывали у них дома. И всегда это были жены друзей Андрея или сокурсницы Надежды с мужьями. Игорь своих девушек, разумеется, при родителях в дом не приглашал – не те отношения в семье. Андрей, само собой, никогда бы не пригласил, к примеру, актрису, которую снимал. Опять же, не те отношения в семье. И как они мгновенно объединились против нее, как легко договорились, как все изменили в такую трудную минуту и, решив, что она точно сюда не приедет, пригласили... Кого? И кто именно пригласил? Может, там не одна женщина? Просто говорит только одна?

Надежда с трудом оторвала ноги от пола, как будто подошвы балеток приклеились к паркету. Но в гостиную вошла уже легко, с прямой спиной и легкой улыбкой на лице. На диване перед большим журнальным столом сидели Игорь и Андрей, а напротив них в кресле – незнакомая женщина. Стол был просто праздничный. Несколько бутылок шампанского, фрукты, торт, тарелочки с салатами и нарезкой. И букет красных роз в белой керамической вазе! Купленных, импортных. Негромким фоном звучала любимая музыка Игоря, поэтому они Надю не замечали. У них как будто все в порядке! А ведь когда она сюда ехала, в ее душе теплилась надежда, что все подозрения развеются и общая проблема сплотит ее с мужем! Надежда смотрела на женщину, чтобы определить самой, кто ее пригласил. Нестандартное лицо, очень сексуальное платье, непринужденное поведение – она чувствует себя как дома. И она явно старше Игоря. Но дело даже не в этом. Лица с такими высокими скулами очень любят операторы. Это актриса, ее привез Андрей! Может, решил поделиться с сыном? И они так празднуют освобождение от ига Надежды?!

– Не помешала? – произнесла Надя громко, как на сцене.

– Мама! Ты как здесь оказалась? – первым изумленно воскликнул Игорь. – Прямо как в цирке: разрезанная женщина из-за ширмы.

– Отлично! – неестественно рассмеялась Надежда. – Какие у тебя верные ассоциации! Разрезанная женщина. У тебя тоже такие ассоциации, Андрей?

– Ох, – громко выдохнул муж, и она услышала в этом полустоне и разочарование от того, что сорвано удовольствие, и отвращение к ней самой, и... В общем, чего она только не услышала! Она привыкла трактовать каждый его вздох – за неимением другого материала.

– Здравствуйте, – спокойно произнесла Карина, поднимаясь.

– Здравствуйте! – уже совсем не владея собой, ответила Надя звенящим голосом. – Андрей, ты представишь мне свою подругу? Как у тебя все просто всегда! То пребывал в тоске по исчезнувшей девчонке, то вдруг приехал на дачу и захотел со мной отметить какой-то свой праздник. Потом нашел повод обидеться и удрать сюда, прихватив сына. А этот праздник вы захватили по дороге? Девушка одна или подойдут еще?

– Мама, притормози, – встал рядом с Кариной Игорь. – Мы с папой знаем, что ты не дура. Но для постороннего человека это сейчас выглядит именно так. Карина сама приехала именно ко мне, а не к папе. Она подобрала меня на рассвете на скамейке, когда меня обокрали и чем-то напоили. Я оставил ей адрес, потому что телефон украли. Она приехала узнать, жив ли я. Ну, вроде находка, жалко. И у нее день рождения. А ты с таким кавалерийским налетом...

– Да, все именно так, – ровно произнесла Карина. – Спасибо за то, что отметили мой день рождения, я поеду.

– А можно я с тобой? – спросил Игорь. – Придется такси брать, мы выпили.

– Нет, нельзя, – мрачно сказал Андрей. – Мы должны с утра поехать к дедушке, ты же знаешь. А перед этим надо обсудить, как ему рассказать...

– А вы отправляйтесь к Карине! – так же звенел голос Надежды. – Раз я вам помешала. У нее продолжите. А от нее – к дедушке.

– Тьфу! – Игорь взял Карину за руку и повел к выходу. – Я сейчас поймаю тебе такси. И вернусь. Мне всю жизнь кажется, что они однажды поубивают друг друга. Но сейчас это некстати, как никогда!

Он вернулся с порога, вытащил из вазы букет и сунул его в руки Карине.

Глава 12

Светлана начала регулярно есть. Холодильник был забит, она каждый раз брала что-то другое, понемногу. Но часто. Так надо, она читала. Это само собой стало какой-то гимнастикой после долгого бессильного лежания. Сначала трудно, но, возвращаясь с кухни, она чувствовала, как мышцы крепнут. Света думала, они атрофировались вовсе. Она часто ходила в душ. А лежа на кровати, пыталась делать какие-то упражнения. Никакой идеи пока не возникло. Просто ее смертную тоску побеждала юная жизнь.

К вечеру пошел сильный дождь, похолодало. Света хотела включить обогреватель, но потом передумала и решила выпить горячего молока. Подогрела его в кастрюльке на кухне. Налила в большую кружку и вдруг посмотрела на банку с растворимым кофе. Она не решалась его пить, потому что сердце постоянно замирало от слабости, а от каждого движения начиналась тахикардия. Света училась на первом курсе мединститута и знала, что это истощение, может, уже дистрофия. Она все время боялась, что от глотка кофе просто задохнется, сердце разобьется о ребра, как о металлический каркас. Потом решила, насыпала чайную ложку кофе в кружку, добавила сахару, глотнула с наслаждением и страхом. Сердце действительно вздрогнуло, забилось сильнее, но ничего страшного не произошло. Наоборот, кровь побежала по всем венам, уже согретая невидимым лучом. Это было очень приятно. Светлана пила кофе крошечными глотками, теплые лучи разбудили подавленный мозг, и она вдруг очень глубоко и свободно вздохнула. Стало ясно, что ее мозг способен справиться с какой-то задачей... Какой? Надо же что-то решить. И как-то выстроить все по порядку.

Она вернулась в комнату, зажгла верхний свет, чего вообще не делала ни разу, и медленно, но достаточно уверенно направилась к столу с перевернутым зеркалом. Наверное, никому, кроме девушки, потерявшей красоту, этого не

понять, но на кону опять была ее жизнь. Эти несколько дней, когда она пыталась вернуться к себе, были просто подготовкой к этому испытанию. Она должна вновь себя увидеть и понять, есть надежда стать прежней или нет. Это решит все. У нее мало знаний по пластической хирургии, но о ней речь вообще не может идти. Денег таких у ее семьи нет, даже если она решит вернуться домой... А еще у нее и на других местах нет лишней кожи для «заплаток», если затягивающиеся раны изменили лицо, сделали непоправимо страшным. И не верит она во все это... Света чувствовала себя лучше, боли почти не было. Но она навсегда запомнила женщину, которую однажды увидела в больнице на практике. Ее лицо из ревности изрезал пьяный муж. Что-то зашил, заштопал обычный хирург бесплатной районной больницы, потом сняли повязки, швы... Женщина посмотрела в зеркало, увидела кривой рот, губы которого не закрывались полностью, как у Гуинплена, неровно вывернутые ноздри – и закричала, завывала, как обреченный на вечную муку изгой. Так оно и было. Света выбежала из палаты, потом долго пыталась это забыть. А теперь получается, что жизнь тогда предсказала ее собственную судьбу... Масса вариантов будущего пролетела за короткое время перед плотно закрытыми глазами Светланы. Она становится великим ученым, ее каким-то образом осыпают огромными богатствами, но она остается изуродованной. Нет! Ей ничего не нужно, кроме того, что у нее отняли. Он отнял... Но это уже не так важно. Важно одно: поправимо или нет.

Она решилась. Сделала последний шаг, нетерпеливо схватила зеркало, повернула, посмотрела... В первое мгновение – опять отчаяние. Все ужасно. Но она продолжает смотреть, уже внимательно и подробно, как врач: изменения есть! Синие, черные, багровые отеки явно светлели. Сухие сморщенные губы за последние дни стали более полными, щеки менее впалыми, отчего морщины местами почти разгладились. Света все делает правильно. Нужно продолжать. Есть, спать, тренироваться... Подавить в себе на время ненависть к нему, забыть о мести, пока... Она должна использовать его как единственное средство вытащить себя из этого кошмара. Пусть он ее кормит, лечит, он явно это делает добросовестно, а потом она решит, как поступить. Ей нужны силы. Кстати, – она положила зеркало и задумалась, – его нет уже довольно давно. Дня три точно. А если он уже не приедет? Вдруг с ним что-то случилось, как он говорил, какое-то ДТП?

Светлана вновь, почти спокойно, пошла на кухню и изучила запасы продуктов. Об этом можно пока не беспокоиться. Теперь одежда. Она впервые позволила себе воспоминания. В ту ночь в его гараже, когда она пришла в себя, он уже снял с нее рваные окровавленные тряпки, потом мыл ее тело водой из

пластикового ведра, а она теряла сознание от боли. Через неопределенное время черного провала он принес какую-то одежду, купленную, наверное, на глаз, напялил на нее. Потом она оказалась здесь. Значит, здесь есть эта одежда. Света подошла к шкафу в комнате, открыла: там висели простые джинсы, темно-серая кофта с длинными рукавами, босоножки. Все чистое, приблизительно ее размера. Мерить уже не было сил. Но она заперта снаружи, не знает, где находится, у нее нет денег...

Света посмотрела на телефон на тумбочке, но не позвонила. Он может быть на работе или рядом с женой. Почему не приезжает? Но она ведь не знает, как часто он приезжал раньше. Она до сих пор была то в полном провале, то в муках, то в полусне. Пока он ей не нужен. Потом будет видно.

Света настолько успокоилась, что включила обогреватель и наполнила ванну. В теплой воде испытала почти блаженство. Посмотрела на свои руки, ноги, живот уже без ужаса. Она поправляется, может, это пока незаметно, но она просто чувствует, как тело становится более упругим. Сейчас она сама возьмет из аптечки мази, лекарства, ампулы и шприцы, сделает все, как делал он. На какое-то время лекарств хватит. За это время выяснится, не случилось ли с ним что-то. Если больше не приедет, значит, случилось. Он маньяк. Его может остановить только что-то страшное. Ну, случилось так случилось. Эта мысль сразу возникла четко и беспощадно. Так даже лучше. Вопросы мести и возможности сосуществовать потом на земле это решает. Светлана осторожно вытерлась, затем занялась лечением, одной это было делать очень трудно. Наконец легла в кровать, глубоко вздохнула, потянулась, как всегда перед сном. И прежде чем уплыть, впервые за все время посмотрела дату на дисплее мобильного. Двадцать третье июля. Как она любила лето... В прошлой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/vo-mrake-sverkayuschih-zvezd

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)